

К вопросу об интенсивности нарастания двух противостоящих эмотивных смыслов: «момента истины» и «ненависти» (на материале англоязычного романа Чингиза Абдуллаева «Доблесть великанов»)

To the Question of the Intensity of the Growth of Two Opposing Emotive
Meanings: 'The Moment of Truth' and 'Hatred' (on the Material of Chingiz
Abdullaev's English-language novel 'The Valour Of Giants')

Ульвийя Аббасова ¹
Ulviyya Abbasova

¹ *Azerbaijan State Oil and Industry University*
20 Azadliq Avenue, Baku, Azerbaijan

DOI: 10.22178/pos.107-49

LCC Subject Category: PE1001-1693

Received 26.07.2024
Accepted 28.08.2024
Published online 31.08.2024

Corresponding Author:
u.abbasov.a@asoiu.edu.az

© 2024 The Author. This article is licensed
under a [Creative Commons Attribution](#)
4.0 License

Аннотация. Статья посвящена исследованию эмотивной лексики в англоязычном романе Чингиза Абдуллаева «Доблесть великанов», с акцентом на противостояние двух ключевых эмоциональных концептов: «момента истины» и «ненависти». В исследовании рассматривается, как эти эмотивные смыслы формируют образы персонажей, в частности главного героя – Дронго, и как они влияют на развитие сюжета. Используя методы текстового и сравнительного анализа, автор выявляет особенности передачи эмоций в оригинальном тексте и его английском переводе, а также обсуждает культурные аспекты, влияющие на восприятие эмотивной лексики. Результаты исследования подчеркивают важность эмотивной лексики как инструмента создания эмоционального напряжения и глубины образов в литературе.

Ключевые слова: эмотивная лексика; момент истины; ненависть; художественный перевод; концепт; эмоциональное напряжение.

Abstract. The article is devoted to studying emotive vocabulary in the English-language novel 'Valour of Giants' by Chingiz Abdullaev, focusing on confronting two key emotional concepts: 'moment of truth' and "hatred". The study examines how these emotive meanings shape the characters' images, in particular the protagonist Drongo, and how they influence the development of the plot. Using textual and comparative analysis methods, the author identifies the peculiarities of conveying emotions in the original text and its English translation and discusses the cultural aspects that influence the perception of emotive vocabulary. The study results emphasise the importance of emotive vocabulary for creating emotional tension and depth of images in literature.

Keywords: emotive vocabulary; moment of truth; hatred; artistic translation; concept; emotional tension.

ВВЕДЕНИЕ

Эмотивное пространство текста – это такое широкое понятие, которое включает в себя отдельные компоненты концептуального и денотативного полей. Эти поля входят в состав семантического пространства текста,

которое, в свою очередь, по словам Е. Вольф, «состоит из лексического поля и его концептуальной сущности» [7, 121]. Эмотивное пространство текста основывается, в основном, на образной лексике, изображающей в художественных текстах чувства, эмоции, раз-

личные перепады настроения и т.д. «Язык, который мы используем для описания наших эмоций, имеет решающее значение для понимания того, как мы переживаем и выражаем эти чувства» [3, 34]. В настоящей статье нас интересуют конкретные эмотивные смыслы. А именно, центральный герой заявленного романа Ч. Абдуллаева – Дронго олицетворяет, по нашему представлению, «момент истины». В полную противоположность ему в произведении даны враги и соперники. Их поступки сопровождаются, главным образом, эмотивным смыслом – «ненависть».

Целью исследования является анализ эмотивной лексики в англоязычном романе Чингиза Абдуллаева «Доблесть великанов» с акцентом на противостояние двух ключевых эмотивных смыслов: «момента истины» и «ненависти». Исследование направлено на выявление роли эмоций в формировании образов персонажей и создании эмоционального напряжения в произведении, а также на изучение особенностей перевода эмотивной лексики.

Для достижения той цели перед исследованием стоят следующие задачи:

- исследовать, как эмотивная лексика формирует семантическое пространство произведения и влияет на восприятие читателя;
- выявить, как «момент истины», олицетворяемый Дронго, контрастирует с «ненавистью», характерной для его врагов, и как это противостояние отражается в языке;
- исследовать, какие функции выполняет эмотивная лексика в контексте создания образов персонажей и построения сюжетной линии.
- провести сравнительный анализ оригинального текста и его английского перевода, выявить трудности перевода и потери в эмоциональной нагрузке.
- рассмотреть, как культурные контексты влияют на понимание и интерпретацию эмотивной лексики в произведении.

Эти задачи позволяют глубже понять механизмы взаимодействия языка, эмоций и литературного творчества, а также их влияние на читательское восприятие.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании применялся качественный анализ текста для изучения эмотивной лексики в романе Чингиза Абдуллаева «Доблесть великанов». Основным объектом анализа стали оригинальный текст произведения и его английский перевод, что позволило выявить ключевые эмотивные лексемы, связанные с концептами «момента истины» и «ненависти». Метод текстового анализа включал детальное изучение диалогов и внутренних монологов персонажей, что способствовало прослеживанию динамики эмоционального состояния главного героя – Дронго.

Дополнительно был проведен сравнительный анализ оригинала и перевода, выявляющий трудности перевода и возможные потери в эмоциональной нагрузке. Для более глубокого понимания использовались лексикографические источники и специализированные словари, что способствовало точной интерпретации значений и коннотаций слов. Теоретические работы по функциональной грамматике и когнитивной лингвистике, включая исследования М. Халлидей и М. Ланкакер, предоставили необходимую основу для понимания связи между языком и эмоциями. Использование комплексного подхода, основанного на текстовом и сравнительном анализе, позволило углубить понимание роли эмотивной лексики в романе и ее значимости в литературе в целом.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Прежде всего подчеркнем: названные нами противостоящие друг другу эмотивные смыслы характеризуются выраженной чувственной доминантой. Это означает, что соответствующая эмотивная лексика служит в первую очередь важным средством создания и закрепления в сознании читателей устойчивых чувственно-психологических (сенсорных) и визуально-образных (наглядных) ассоциаций. Как отмечал, М. Халлидей «Эмоциональные значения часто передаются через выбор конкретных лексических единиц, которые несут коннотации, выходящие за пределы их буквальных значений» [4, 54]. По нашему мнению, совмещение данных двух позиций целиком и полностью отвечает замыслу автора «Доблести великанов». Так, эмотивная лексика, вплетенная в речь центрального персонажа – Дронго, в системе

наших доказательств являет собой «момент истины». Причём, по ходу чтения этого романа заметно, как многократно возрастает эмоциональное напряжение за счёт поиска правды. Дронго всегда стоит за торжество справедливости. И большинство слов в английском переводе отражают это стремление. «Эмоции – это не только психологические переживания, но и биологические реакции, которые эволюционировали, чтобы помочь нам выжить» [3, 52].

А именно персонаж говорит, что внутренне подготовлен к защите слабых и обиженных. Он «остро чувствует аромат перемен. Предвкушение, как свидетельствует Ч.Абдуллаев устами своего героя, лучше, чем успех – «Предвкушение лучшего». «Язык является социальной семиотической системой; это не просто совокупность слов и правил, а ресурс для создания значений» [4, 11]. Контекст, в котором реализуются эти функции, назовём оценочно-эмоциональным, где помимо денотативного содержания слова актуализируются прагматический и ассоциативный аспекты образного значения. Подобных примеров в английском переводе романа встречаем немало.

Подчеркнём также, что в некоторых фрагментах романа эмотивность усиливается за счёт актуализации отношений структурной мотивации. В тексте сталкиваются два или несколько образных слов, построенных по одной модели, с тождественными или разными структурными компонентами. Дронго совершенно ясно осознаёт, что, борясь против всесильной мафии, он фактически попадает к ним в сети. Он понимает, что необходимо «разорвать сковывающие его цепи». Хотя формально этот герой является «охотником», он же, по иронии судьбы, становится и «жертвой». Установление «момента истины» даётся Дронго нелегко; интенсивность нервного напряжения, в частности, обозначается такими лексемами, как «измотаться», «издаться», «всё время что-то чудится», «боязнь что-либо упустить». В тексте один за другим следуют также «боль», «испуг», «страх». И это при его неизменно твёрдом характере. Все эти отдельные лексемы и выражения чётко переданы переводчиком¹. На другом полюсе

эмотивных смыслов оказываются враги, завистники и соперники. Их действия сопровождаются лексемами противоположного содержания, как «подлость», «злоба», «месть», «ярость», «бешенство» и т.п. Отмеченное в той или иной степени адекватности отражается в англоязычном переводе.

Прежде всего подчеркнём: мы убеждены, что «момент истины» устанавливается специалистом высокой квалификации. И в романе Ч. Абдуллаева «Доблесть великанов» в цепи эмотивной лексики кооперативным эмотивным смыслом выступает «профессионализм». Он в свою очередь рассредоточивается по тексту с помощью таких эмотивных лексем, как «универсальность», «принципиальность», «честность», «вера», «правота», «убеждённость», «прямота», «целеустремлённость». Решение дела, то есть успех расследования всецело зависит от ответственности центрального персонажа – Дронго. Поэтому, в свою очередь указанные лексемы связаны с другими, смежными: «твёрдость воли» или характера, «настойчивость», «напористость» и т.д.

На другом полюсе автором, напротив, выделяются другие, точнее, противостоящие отмеченному черты характера личности. Это в основном враги, завистники и соперники Дронго. Их поступки характеризуют лексемы, заявленные автором романа по принципу антитезы или антонимии. Например, «принципиальность» – «беспринципность»; «твёрдость воли» – «мягкотелость»; «спокойствие» – «ярость», «бешенство»; «сосредоточенность» – «растерянность»; «честность», «справедливость» – «злоба», «ненависть», месть.

То, что Дронго в первую очередь отличает «профессионализм», признаётся не только его соратниками, но и соперниками. В романе это выражение ассоциируется с «моментом истины». Это в особенности можно наглядно продемонстрировать на примере отдельных коротких реплик. Например: Drongo sighed: «And it won't be Mr. Matthews, who clearly didn't like my views». На что соратник Дронго – Лоусон отвечает: «But he did like your professionalism» [1, 14-15]. Выясняется, что это качество признают и все враги Дронго. Так, Dumenec говорит: «I was asked to make you aware that he is a well trained professional» [1, 10].

¹ Прим. автора: перевод романа «Доблесть великанов» осуществлён Анна Томпсон-Ахмадовой.

Мы отдаём себе отчёт в том, что само слово «профессионализм», строго рассуждая, не является насыщенным эмотивным смыслом. Однако именно от него, по нашим наблюдениям, словно лучи из единой точки, расходятся лексемы, регистрирующие чувства, эмоции. Поэтому мы вовсе не случайно остановились на этом слове. Упор на нём делают многие герои романа. И одно стержневое слово, образно выражаясь, как бы потянуло за собой цепочку соответствующей эмоционально окрашенной лексики. «Эмоции играют ключевую роль в том, как мы конструируем значения, поскольку они неотъемлемо связаны с нашим опытом и контекстами, в которых мы находимся» [5, 71] То есть, далее, их же устами осуществляется своего рода разворот к интерпретационно-характерологическим эмотивным смыслом, которые, предельно тяготея к экспликации, лексическими средствами (в данном романе – чаще одиночными) раскрывают интимный мир Дронго. По идее автора, сугубо деловые качества этого персонажа отнюдь не препятствуют развитию чувств, эмоций. Они сопровождают профессиональный подход Дронго и его соратников к расследованию.

Итак, можно констатировать: с одной стороны, «профессионализм» как наиболее кратчайший путь к установлению «момента истины», по замыслу Ч.Абдуллаева, предполагает исключительно деловой подход при реализации любой намеченной цели. Это очевидно и подтверждается словами одного из персонажей: «As for the expert himself, I was asked to draw your attention to his ability as an original thinker» [1, 10]. Ясная и точная характеристика умственных способностей Дронго. Следует только, на наш взгляд, уточнить, что в данном контексте слово «original», занимающее постпозитивное положение по отношению к имени существительному – «attention», может дезориентировать англоязычного читателя; последующая лексема способна восприниматься с некоторым налётом иронии. (Сравним хрестоматийное: «Ну ты и оригинал!»).

Между тем, в подлиннике романа вместо «оригинальное» использовано «нестандартное мышление». Ч.Абдуллаев совершенно закономерно возвышает и даже несколько идеализирует образ своего героя. При всей очевидности лексической синонимии следовало уклониться даже от намёка на издёвку, ис-

пользував более строгое выражение «Thinking outside the box». По всей видимости, нарочитая громоздкость такого выражения сыграла отрицательную роль для специалиста, и всё-таки, по нашему мнению, так и надо было переводить.

С другой стороны, из текста «Доблести великанов» однозначно вытекает, что это важнейшее деловое качество личности немислимо без учёта его эмоционального состояния. Так, за признанием профессионализма и умения «нестандартно мыслить» от соперников Дронго тут же следует:

– «Very positive qualities». Nelson agreed. «What else?»

– «There's nothing else».

– «His preference, habits, hobbies; his family, friends, acquaintances?» [1, 10].

Из цитированного ясно: соперник Дронго – Нельсон по достоинству оценивает его деловые качества и признаёт себе, как тот постепенно продвигается к роковой для него черте – установлению «момента истины». Это момент, кстати, сокрушительен для логики и действий представителей противоположной Дронго стороны. Вместе с тем читатель наблюдает, что Нельсона интересует не только деловой подход Дронго к расследованию, но также чувственная сторона его деятельности. Следует обратить внимание на двойное употребление «else». Эта частица многозначительна, потому что на первое место Нельсон ставит именно «предпочтения, привычки, хобби, круг друзей и знакомых».

И оказывается, что это вовсе не случайная деталь. Симптоматично, что точно такие же сведения о проявлении людьми чувств, эмоций в первую очередь интересуют центрального персонажа. Дронго в поисках истины ставит их выше официальной информации и считает, что они определяют лицо человека. «Предупреждён – значит, вооружён – главный принцип работы детектива». «Момент истины», по его мысли, наступит только тогда, когда будет собрана вся информация о чувственной стороне жизни его соперников.

– «We need start more detailed screening», Drongo said... I need information on these two (Дронго имеет в виду двух своих соперников – примечание наше); not what can be found in open sources, but something quite different: their

habits, friends, family contrast...» [1, 62]. И уже в самом финале романа, когда расследование дела близилось к концу, он объясняет своему напарнику Лоусону и другу Эдгару Вейдеманису, что полную информацию можно собрать только с учётом всех изложенных фактов.

Концепт «ненависти». Непременно следует отметить в нашей статье, что, проверяя своих заказчиков, Дронго неизменно задаётся вопросом: что в конечном итоге возьмёт верх: политика или здравый смысл? Где альтернатива «моменту истины»? При этом он всегда думает о том, как следует изыскивать средства, чтобы положительные черты (отзывчивость, доброта, общительность) превалировала над отрицательными (эгоистичность, черствость, безразличие к людям). И уж тем более он бесконечно далёк от злобы мести и ненависти, чего никак не скажешь о его идейных противниках.

Здесь в аспекте заявленной нами темы статьи необходимо сказать уже о ненависти, в буквальном смысле слова сжигающей соперников Дронго. Это подтверждает следующий фрагмент текста: «I asked for the personal accounts of these bankers to be checked and attention paid to their habits, passions, families, in other words for a full picture» [1, 188]. Сбор всех этих данных подтверждает «момент истины» для Дронго. Но он и страшен врагам, поведение которых фиксируется автором лексикой иного предназначения. В лингвистическом отношении отметим, что контаминация текста с деловым подходом Дронго к расследованию с эмоциональной доминантой приводит к успеху всего дела в целом. Для центрального персонажа романа в этом объединении кроится главный успех всего предприятия.

Зафиксируем полный и при этом троекратный повтор вышеназванных лексем на страницах 10, 62 и 188 англоязычного перевода соответственно. Вряд ли у нас есть моральное право обвинять азербайджанского писателя в забывчивости, из-за чего он допускает такую «тройную» тавтологию. Конечно же, нет. Это намеренный повтор, и он лишний раз доказывает важность выяснения настоящего предмета исследования личности. И это при том условии, что Дронго не относится к тем личностям, которые готовы смириться с невыгодной для них ситуацией.

Тем более удивляет и даже настораживает тот факт, что при таком вдумчивом подходе к расследованию Дронго сам допускает излишнее проявление эмоций. Со стороны это оказывается в особенности заметным. Соратник Дронго признаётся: «They told me you were rather odd, but I hadn't realized quiet how odd. Phenomenal logic and almost native romanticism – it is an incredible combination» [1, 16].

То же высказывает Дронго и одна из сотрудниц. Она свидетельствует: «Your approach was too emotional», the lady repeat» [1, с.20]. И далее уже в другой ситуации, но с тем же вердиктом: «I've already pointed out that you are too emotional about this investigation» [1, 23]. Из этих фраз видно, что Дронго в поисках «момента истины» иногда действует чересчур эмоционально, что в идеале недопустимо в его работе. Но Ч.Абдуллаев пишет не документальное, а художественное произведение. Автор прекрасно понимает, что у каждого человека есть свои слабости. Эмоциональная восприимчивость этого героя парадоксальным образом уживается с его деловитостью. И потому над такого рода выпадами Дронго неизменно посмеивался: «Good or bad» – Drongo laughed [1, 16].

Если Дронго пытается добиться правды, наказать виновных, установить истину, то его соперники и враги, напротив, действуют совершенно иными, противоположными методами. Для Дронго, по замыслу автора, вроде и нет особой игры, но ощущается большая человеческая фактура. Парадоксально, но Дронго по тексту романа иногда охватывало странное чувство: упоение щедростью, добром и любовью никак не сопоставимо с упоением, одержимым злобой, ненавистью. С этой целью автор активно использует категориально-эмотивную или дифференциально-эмотивную лексику в их исходных либо производных значениях, которые можно выстроить по принципу антитезы. Это соответственно отражается и в английском переводе.

Анализ отдельных фрагментов текста приводит нас к мысли, что в романе силы, противодействующие деятельности Дронго, представлены центральным эмотивным смыслом «ненависть». В текстовой семантике слова можно зафиксировать следующую эмотивную лексику: возбуждение, волнение, тревога, нетерпение, недоверие, раздражение, бес-

покойство, озабоченность. Лингвистический анализ нижеследующих отрезков речи показывает, что эта лексика носит относительно нейтральный характер. Отправной точкой это лексики служит «всеобщее беспокойство», так как, по идее автора, за Дронго охотятся сразу несколько враждебных кланов. А своего апогея эта лексика, выстраиваемая по принципу нарастания интенсивности, достигает в таких словах, как злость, гнев, ярость, наконец, бешенство.

В той, или иной степени частотности эти лексемы употребляются в тексте. В отдельных случаях эти лексемы-признаки отражают настроение персонажей опосредованным путём. Причём, фактор динамики «ненависти» возрастает по мере того, как враги Д. терпят фиаско одно за другим. Когда нападение на Дронго нанятых мафиози бандитов – Лина Хэпина и Юйланы сорвалось, то у первого, в отличие от хладнокровного сыщика-детектива, не было мужества признать своё поражение.

«Then they heard a man's trembling voice»: «Don't move! ». It was Lin Hai Peng. At the side of his dead wife's body he was seized with fury, regret, pain [1, с.81]. Всего четыре тесно соединённых между собой по содержанию предложений, причём, два из них – нераспространённые, инфинитивное и двусоставное. Но какое большое значение играют три подряд следующие лексемы – «fury», «regret» и «pain» в психологическом наполнении роли.

Связь между эмотивной лексикой – боль – гнев – ярость. Эмотивная лексика, безусловно, обнаруживает мощную, но практически не сдержанную страсть. Более того, на наш взгляд, в составе четырёх фраз есть такой примечательный нюанс: глагол прошедшего времени «heard» и действительное причастие настоящего времени «trembling». В сочетании с именем существительным «voice», два слова глагольного действия являют собой своего рода «предупредительный сигнал» к нарастанию беспокойства и напряжённости. И словно лопнувший нарыв, пробуждается злоба и ненависть. Остаётся только сожалеть, что слово «heard», которое должно в данном контексте выполнять роль своеобразного «форпоста», здесь не имеет того усиления, которое есть в русском тексте.

А именно, «не слышали голос», но «раздавался». То есть услышать такой голос, от ко-

торого можно восторгнуться и испугаться. Если бы переводчик вник в значение другого и верного глагола – «Rang out», занимающего ближайшее препозитивное положение по отношению к команде «Don't move!» и более отдалённое – трём вышеназванным лексемам, театрализованный эффект от «fury», «regret» и «rain» в плане воплощения эмоций был бы сильнее. Недаром несколькими предложениями ниже по тексту Ч.Абдуллаев усиливает эмотивную тональность чувства ненависти: «He (Lin Hai Peng) felt rage, as well as grief, at the sight of Yulan lying dead on the floor» [1, 81].

На наш взгляд, сказалось недостаточное внимание к упомянутому глаголу. Интенсивность напряжения однозначно спала. Буквальный перевод с необоснованной переборкой частей простого осложнённого предложения привёл к разрыву логического перехода от «боли» – к «ярости». В оригинале: «Лежавшая на полу мёртвая Юйланы вызвала уже не только боль, а настоящий приступ бешенства» [2, 124]. В переводе же с английского получается: «Он чувствовал ярость [приступ гнева, бешенства – здесь не принципиально], точно так же, как чувствовал горе [беду], увидев лежащую на полу мёртвую Юйланы».

В таком переводе (а только так должен понять англоязычный читатель) всё перевёрнуто с ног на голову. Во-первых, синонимичное слову «rage» – «as well as grief» неуместно дублирует значение беды. Во-вторых, пропущено слово «боль». В-третьих, обе части предложения переброшены не по грамматическим нормам английского языка. Наконец, в-четвёртых, потеряна связь между эмотивной лексикой – боль – гнев – ярость. На наш взгляд, указанная постановка слов на свои места, сохранение правильного порядка частей предложения элементарно сделали бы перевод не только грамотным, но и точно отражающим идею автора.

Показательным в том же ключе является эпизод, когда потерпел провал второе покушение на Дронго. И вновь поведение главных отрицательных героев характеризуют злоба, ярость и ненависть. Но по сравнению с предыдущим отрезком речи (всего лишь четыре небольших предложения), в нижеследующем читатель сталкивается с более объёмным повествовательным фрагментом с

элементами комментария со слов самого действующего лица.

Итак: It goes without saying that Signor Prassi was furious. It was all he could do... to stop himself punching his fists into Luchano's aristocratic features. Prassi generally did not resort to crude language, considering such behavior beneath the dignity of someone of his social standing. But now he was cursing like a trooper, using all the swear words at his disposal in English and Italian... This was unprecedented. Prassi blamed himself [1, 110].

Центральным эмотивным смыслом этого фрагмента романа является ненависть, переходящая в «ярость». Но и этот смысл, с нашей точки зрения, подлежит дифференциации. То есть, фрагмент можно разбить на отдельные отрезки речи. В первой (условно) части говорится о высшей степени проявления ярости. Характерно, что чувство, переполняющее душу Прасси, конкретно названо. В первых двух предложениях есть также несколько примечательных моментов. А). Ярость персонажа не знает границ, и поэтому она преподносится автором в своеобразно трактуемом сравнительно-сопоставительном аспекте. Выражение «It goes without saying» фактически идентично сравнительному обороту. Две части одного предложения хотя бы с одним эмотивным смыслом, в состав которых входит слово «значит», как и в случае с союзами *как, будто, словно*, и т.п., по законам грамматики русского и английского языков являются образным контекстом параллельного сопоставления.

В). Эмотивный смысл «ярость» в указанных предложениях представляет собой необычную стилистическую эклектику. «Was furious» – глагольная связка + обстоятельство образа действия, выражение, максимально приближенное к художественному стилю речи. «Punching his fists into Luchano's aristocratic features» – относится к сниженной лексике. По всей видимости, переводчик пожелал остаться в рамках приличия, и максимально приблизил второе предложение к художественному стилю. Но важная деталь, свидетельствующая о неудержимости страстей Прасси, тем не менее упущена. В русском тексте стилистический контраст двух фраз более очевиден: здесь использовано слово «морда». «Он с трудом сдерживался, ... чтобы не раз-

бить свои кулаки о породистую морду Лучано» [2, с.167].

С). Переходим ко второй условной части фрагмента. Автор и переводчик показывают действия-жесты, точнее, их цепь, акцентируя внимание читателей как пунктуационно (многоточие между «do» и «to stop», что, конечно, принадлежит к авторским знакам), так и лексически («потрясая кулаками»; «выкрикивая»).

Д). Последующие третье и четвёртое предложения, с точки зрения содержания – попытка переводчика исправить положение. Факт остаётся фактом: герой ранее никогда не позволял себе подобного рода резких выражений. Перевод получился точным и логически выверенным. С позиции лингвистической, автор, как и переводчик повествуют о сомнении, неуверенности Прасси. Как он мог так пасть, забыться, что позволил себе непристойности? Признание собственных ошибок в части фразы – «considering such behavior beneath the dignity of someone of his social standing» напоминает краткий аутодиалог. Персонаж корит самого себя за невоздержанность и выносит себе приговор.

Е). Пятое предложение («Prassi blamed himself») базируется на эмотивном смысле «вина». Ярость прошла, персонаж начинает осознавать, что понадеялся на недостойных для решения такой задачи людей, и во всем происшедшем винит самого себя.

В следующих фрагментах текста ярость Прасси продолжает возрастать и порою достигает такого размаха, что переходит в агонию. Не надеясь больше на своих соратников, он прибегает к помощи отъявленных бандитов. Таким показан в романе головорез Джакомелли. В первую очередь автор выделяет смешанные чувства жалости с негодованием:

– Giacomelli: «So you want to get him», Giacomelli smiled.

«And as soon as possible», Prassi said coldly. «This guy's made a laughing stock of me: he shot my dogs, handed me over to the FBI and somehow or other persuaded Salvatore to rat on me» [1, 112].

Три предложения, включённые, в диалог, – это противопоставление двух основных эмотивных лексем: хладнокровие и ирония со стороны Джакомелли и попытка Прасси вы-

звать жалость бандита, часто прерываемая возгласами негодования. Первая фраза не вполне точна в плане содержания. Непонятно, что хотел сказать переводчик словосочетанием «to get him»: «Достать его?», «Заполучить его»? Тогда как в русском тексте предельно чётко и жёстко: «Вы хотите убить его?». Заметим также, что Джакомелли произносит эти слова с улыбкой, что выдаёт в нём хладнокровие профессионального убийцы. Отвечая, Прасси лишь пытается сохранить спокойствие, что выражено в данном отрезке речи одиночным наречием «coldly». Однако злость продолжает брать верх. С отчаянием обречённого он поясняет Джакомелли свою ненависть к Дронго, что передано с помощью перечислительной интонации. Характерно, что само перечисление деяний Дронго со стороны Прасси выдаёт в нём слабости характера. Это кроится за выражением «This guy's made a laughing stock of me» («он выставил меня посмешищем») и смехотворным признанием сдачи агентам ФБР («handed me over to the FBI»). Перевод обоих выражений, по нашему мнению, не оставляет никакой двусмысленности. «Эти пробелы подчеркивают ограничения английского лексикона в охвате всего спектра человеческих эмоций, предполагая, что наше эмоциональное понимание, в некоторой степени, формируется языком, которым мы говорим» [6, 4].

Так сталкиваются два типа эмотивной лексики: поиска «момента истины» и «ненависти», освещаемой Ч.Абдуллаевым в романе «Доблесть великанов» по принципу нарастания интенсивности главного признака.

ВЫВОДЫ

Результаты показали, что эмотивные смыслы не только способствуют формированию образа главного героя – Дронго, но и играют ключевую роль в создании эмоционального напряжения на протяжении всего повествования.

Одной из основных тем обсуждения является противостояние двух эмотивных смыслов: «момента истины», олицетворяемого Дронго, и «ненависти», которое характеризует его врагов. Это противостояние служит не только двигателем сюжета, но и углубляет пони-

мание внутреннего мира персонажей. Дронго, как носитель «момента истины», активно ищет справедливость и правду, что выражается через богатый спектр эмоциональной лексики. В его диалогах и внутренних монологах заметно нарастание эмоционального напряжения, что подчеркивает его стремление защитить слабых и обиженных.

С другой стороны, враги Дронго, такие как мафиози и завистники, представляют собой антиподы, чьи действия пронизаны «ненавистью» и «злостью». Эмотивная лексика, связанная с ними, включает термины, подчеркивающие их низменные чувства и порочные мотивы. Это контрастное представление эмоций создает эффект напряженности, позволяя читателю глубже проникнуть в динамику взаимодействий между персонажами.

Обращение к переводу романа также представляет возможность для анализа. Исследование показало, что при переводе эмотивной лексики важно учитывать не только буквальное значение слов, но и их эмоциональную насыщенность. Некоторые фразы могут потерять свой первоначальный заряд в результате недостаточной передачи нюансов, что влияет на общее восприятие текста. Таким образом, переводчик играет критически важную роль в сохранении эмоциональной нагрузки, и его решения могут значительно изменить читательское восприятие.

В целом, эмотивная лексика в романе «Доблесть великанов» выступает не только как средство выражения чувств, но и как инструмент, который позволяет авторам создавать многослойные образы персонажей. Данная статья подтверждает, что понимание эмоций в литературе требует внимательного анализа языка, использованного для их передачи, и подчеркивает значимость культурных контекстов в интерпретации литературных произведений.

Такое глубокое изучение эмотивной лексики в сочетании с концептуальным анализом дает возможность не только расширить горизонты понимания произведения, но и внести вклад в более широкие исследования по теме эмоций в литературе, их роли в восприятии и выражении человеческого опыта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Abdullayev Ch. (2018). *Valiant giants*. Baku: Teas-Press.
2. Abdullayev, Ch. (2018). *Doblest' velikanov* [The Valor of Giants]. Moscow: EKSMO (in Russian).
3. Ekman, P. (1992). *An Argument for Basic Emotions*. London: Taylor & Francis.
4. Halliday, M. (2004). *An Introduction to Functional Grammar*. London: Arnold.
5. Langacker, M. (2008). *Cognitive Grammar: A Basic Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
6. Nuri, A. (2023). [Investigating emotion concepts in the modern English language](#). *International journal of philosophical and social sciences*, 3(7), 1-17.
7. Volf, Ye. (2009). *Funkcional'naja semantika ocenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow: Progress (in Russian).